

Происшествие в павильоне Любования Луной наделало немало шума, однако в конечном итоге, благодаря умело выдвинутой версии о «благом знамении», ситуацию удалось замять. Тем не менее слухи о том, что вдовствующая императрица Сяо в великом гневе приказала наложнице Нин оставаться под домашним арестом, а шестого принца временно оставила в своем распоряжении во дворце Милосердного Спокойствия, всё же успели распространиться по всему императорскому двору. Среди дворцовых слуг подобные сплетни разлетались с молниеносной скоростью: наложница Нин обычно была приветлива и пользовалась в гареме доброй славой, поэтому никто и представить не мог, что она проявит подобную небрежность по отношению к собственному сыну и навлечет на себя столь суровый гнев вдовствующей императрицы Сяо.

Дворцовые слуги сновали туда-сюда, не зная покоя. Последние два дня во дворце Милосердного Спокойствия царила настоящая суматоха: сначала случилось досадное происшествие в павильоне Любования Луной, а затем внезапно разразилась болезнь шестого принца.

Ин Фушэн был тяжело болен. Придворные лекари два дня напролет трудились, пытаясь сбить его изнуряющий жар. Шестой принц был слишком мал и слаб, и эта жестокая лихорадка почти полностью вытянула из него все жизненные силы, оставив лишь бледную тень прежнего ребенка.

- Неужели шестой принц и впрямь так тяжело болен? - вполголоса спрашивал один из слуг.

- Еще бы! - отвечал другой, заговорщицки понизив тон. - Он упал в обморок прямо на месте, но даже в таком состоянии всё равно просил за наложницу Нин... А наложница Нин даже не заметила, что у шестого принца губы совсем побелели от жара.

Снаружи дворца Милосердного Спокойствия слуги то и дело бросали косые, полные любопытства взгляды на стоявшую в полном одиночестве служанку и тихо перешептывались, обсуждая случившееся.

Бичжу, заметив пристальное внимание окружающих, лишь неловко и натянуто улыбнулась, продолжая терпеливо ждать у ворот дворца Милосердного Спокойствия. Наложница Нин, находясь под строгим арестом, не имела возможности покинуть пределы дворца Бесконечной Радости, поэтому ей пришлось отправить свою верную служанку, чтобы та попыталась разузнать о судьбе шестого принца. Когда весть о «дурном знамении» дошла до клана Нин, госпожа осознала, что её поведение во дворце Милосердного Спокойствия было крайне опрометчивым и неосмотрительным. К счастью, шестой принц был податливым и послушным ребенком; стоило лишь правильно уговорить его вернуться домой, как все эти шумные и

пагубные слухи в гареме утихли бы сами собой.

- Тетушка Юй, шестой принц уже проснулся? – увидев, что из ворот дворца Милосердного Спокойствия вышла старшая служанка, Бичжу поспешно направилась к ней, стараясь выглядеть почтительно.

Тетушка Юй остановилась и окинула Бичжу холодным, оценивающим взглядом:

- Возвращайся. Шестой принц пробудет во дворце Милосердного Спокойствия еще несколько дней, чтобы окончательно поправиться.

Бичжу прождала здесь добрую половину дня, надеясь хоть кого-то увидеть или получить важные сведения, и хотела было еще что-то добавить, но тетушка Юй, не дав ей вставить ни слова, уже развернулась и ушла.

Ничего не поделаешь: раз увидеть шестого принца не удалось, пришлось возвращаться и докладывать о неудаче наложнице Нин. Едва ступив на порог дворца Бесконечной Радости, она увидела слуг, сурово наказанных госпожой, которые в унижении стояли на коленях прямо у входа. Эти люди не только проявили недопустимое самовольство, позволив шестому принцу сбежать к вдовствующей императрице Сяо, но и не смогли вовремя отправить весточку клану Нин. Если бы не привычная «мягкость характера» госпожи, с ними бы давно расправились по всей строгости – сущие никчемные отбросы.

Бичжу с холодным, безразличным лицом слушала их жалобные мольбы о пощаде. Внезапно её взгляд упал на маленького евнуха, стоявшего на коленях чуть поодаль от остальных. Она помнила его: в последнее время он часто помогал ей, бегая за лекарствами, и выполнил немало полезных и деликатных поручений.

- Сунъань, иди сюда, – позвала она.

Стоявший на коленях евнух тихо и покорно отозвался:

- Сестрица Бичжу.

Настроение Бичжу немного улучшилось. Этот евнух был молчалив, не лез не в своё дело, но при этом умел угодить:

- У госпожи сейчас очень плохое настроение, сходи-ка на маленькую кухню и принеси чай

ясного ума.

Сунъань, не говоря ни слова и не задавая лишних вопросов, проворно бросился исполнять приказ.

Во дворце Бесконечной Радости в этот час царила мертвая, гнетущая тишина. Наложница Нин сидела в своих покоях с глубоко печальным и задумчивым лицом. Увидев, что Бичжу вернулась одна, она пристально посмотрела ей за спину, не обнаружив там других слуг:

- Где он?

Бичжу пришлось сообщить, что шестого принца оставили погостить во дворце Милосердного Спокойствия, и поэтому в ближайшее время он не вернется:

- Шестой принц всё еще болен, и вдовствующая императрица Сяо, должно быть, ничего не заподозрила. В прошлом, когда другие принцы болели, она тоже проявляла к ним заботу. Рабыня разузнала: в эти дни к нему ходили только лекари, во дворце Милосердного Спокойствия всё спокойно, и вдовствующая императрица ничего подозрительного не обнаружит.

Лицо наложницы Нин окончательно помрачнело. Все эти дни, проведенные под арестом, она то и дело слышала долетавшие до неё пересуды.

Она обязательно выяснит, кто именно стоит за этой коварной интригой в павильоне Любования Луной, но сейчас важнее всего было - любой ценой удержать расположение вдовствующей императрицы Сяо.

Бичжу, видя явное недовольство госпожи, хотела было еще что-то сказать, чтобы утешить её, но не успела - в покои стремительно прибежал слуга с докладом. Оказалось, что за заслуги в подготовке павильона Любования Луной вдовствующая императрица Сяо осталась очень довольна и пожаловала щедрые награды почти всем наложницам гарема.

- А где же наша награда? - с любопытством спросила Бичжу.

Слуга робко, заикаясь, пролепетал:

- Для дворца Бесконечной Радости... ничего не прислали.

- Что ты сказал?! - вскрикнула Бичжу, не сдерживая изумления.

Как это - не прислали?!

Вдовствующая императрица Сяо одарила всех наложниц без исключения; даже те, кто лишь мельком попадался ей на глаза, получили подарки, и только во дворец Бесконечной Радости не пришло ровным счетом ничего.

Наложница Нин всегда старалась держаться в стороне от дворцовой борьбы, и слуги без прямого приказа не смели выходить наружу, чтобы разузнать обстановку.

- Евнух, передававший указ из дворца Милосердного Спокойствия, даже не заходил во дворец Бесконечной Радости, - добавил слуга, окончательно сбитый с толку реакцией Бичжу.

Бичжу невольно, с опаской взглянула на госпожу.

Услышав это, наложница Нин едва сдержала выражение лица, но гнев был слишком силен: она чуть не раздавила фарфоровую чашку в своих руках и случайно опрокинула только что принесенный чай ясного ума.

Сунъань, подававший чай, едва не облился кипятком и, испугавшись, поспешно опустился на колени.

- Чего застыл? Убирай сейчас же! - рявкнула Бичжу, одновременно осторожно проверяя, не обожглась ли наложница Нин горячим чаем.

Сунъань, низко опустив голову, скрыл свой мрачный, тяжелый взгляд и принялся молча собирать осколки разбитой чашки.

Шестой принц искренне старался угодить наложнице Нин, отдавая всего себя, но в её холодных глазах он словно вовсе не существовал.

Внешне всё выглядело так, будто наложница Нин глубоко обеспокоена здоровьем сына и проявляет о нём должную заботу, но Сунъань, который на протяжении многих дней лично прислуживал принцу, прекрасно понимал истинную суть вещей. Сначала в целебные лекарства начали подмешивать какие-то странные «добавки», а затем принцу и вовсе запретили общаться с кем-либо из окружающих. Если бы госпожа действительно пеклась о его благополучии, разве стала бы она навещать его так редко, почти забыв о его существовании?

В глазах госпожи маленький принц был явно менее важен, чем щедрые награды или её собственный, безупречный образ в глазах вдовствующей императрицы Сяо.

В покоях дворца Милосердного Спокойствия воцарилась глубокая, почти осязаемая тишина. Ин Фушэн медленно, шаг за шагом, приходил в себя.

В воздухе витал тонкий, успокаивающий аромат сандала, а мягкое тепло проникало глубоко в тело, согревая до самых костей.

Взгляд Ин Фушэна постепенно прояснился, и лишь спустя некоторое время разрозненные мысли начали собираться воедино. Он медленно оглядел незнакомую внутреннюю комнату дворца, в которой оказался.

Его взгляд остановился на двух довольно неуместных, массивных сундуках из темного сандалового дерева, которые стояли в углу комнаты.

Внезапно из глубины помещения послышались приглушенные звуки шагов.

Ин Фушэн машинально отвел взгляд в сторону.

- Принц проснулся.

Кто-то осторожно отодвинул занавесь и вошел в комнату, а следом за этим человеком впопыхах зашли две служанки.

К нему подошла пожилая управляющая.

Он узнал её мгновенно.

Это была тетушка Юй из дворца Милосердного Спокойствия, личная служанка вдовствующей императрицы Сяо, которая на протяжении многих лет преданно прислуживала ей и ведала абсолютно всеми делами в этом дворце.

Заметив, что шестой принц чувствует себя скованно и напряженно в этом незнакомом месте, тетушка Юй мягко произнесла:

- Наложница Нин последние дни находится под арестом, но вдовствующая императрица Сяо лишь слегка её наказала. Принцу не стоит волноваться по этому поводу, сейчас самое главное - поправляться.

Во дворце Милосердного Спокойствия редко оставались принцы на долгое время, так как вдовствующая императрица Сяо не любила обременять себя гостями. Единственным, кто имел честь здесь гостить, обычно был наследный принц.

Было заметно, что во дворце не успели должным образом подготовиться к его прибытию: эта боковая зала была приведена в порядок наспех, лишь для того, чтобы в ней можно было находиться.

Ин Фушэн хотел было позвать Сунъаня, но слова внезапно застряли в горле. Заметив оценивающий, пронизательный взгляд тетушки Юй и вспомнив, что наложница Нин сейчас попала в беду, а за каждым шагом обитателей дворца Бесконечной Радости следят десятки невидимых глаз, он понял: сейчас он не может проявлять к Сунъаню излишнего внимания, чтобы не вызвать подозрений.

Лекарь провел быстрый осмотр, после чего тетушка Юй, не желая задерживаться, передала последние слова императрицы и удалилась.

Ин Фушэн снова перевел взгляд на сундуки из сандалового дерева. Одна из служанок, заметив его интерес, почтительно напомнила:

- Принц, это награды от вдовствующей императрицы Сяо.

- Награды? - Ин Фушэн был искренне удивлен.

Когда он разглядел среди ценностей несколько книг, которые совершенно не вписывались в привычный список дворцовых подарков, он о чем-то догадался – должно быть, их добавили в сундуки позже, специально для него.

Он посмотрел в окно: тетушка Юй уже ушла далеко, её фигура почти скрылась из виду.

В сундуках лежали невероятно ценные вещи. Крышки были приоткрыты, и Ин Фушэн заметил лишь то, что лежало на самом верху – всё это было явно очень дорогим и изысканным.

Не успел он погрузиться в свои раздумья, как тишина была нарушена, и снаружи внезапно стало шумно.

Сквозь занавески он смутно разглядел мелькнувшую яркую фигуру – это был наследный принц, который каждый день неизменно приходил засвидетельствовать свое почтение вдовствующей императрице Сяо.

Ин Фушэн немного подумал, а затем, с помощью слуг, преодолевая остаточную боль в теле, с трудом встал и проговорил:

- Помогите мне одеться. Я гощу здесь уже несколько дней, поэтому мне нужно поблагодарить бабушку за награды и засвидетельствовать ей свое почтение.

Сегодня во дворце Милосердного Спокойствия было гораздо оживленнее, чем обычно. Стоило ему выйти из покоев, как стало заметно, что общая атмосфера во дворце изменилась.

Ин Фушэн поднял голову к небу. Воздух был пронзительно холодным, и казалось, что этот ледяной холод проникает в самые легкие. Он глубоко вдохнул и посмотрел на узкую, протоптанную в свежем снегу дорожку.

Та пустынная, безжизненная дворцовая дорога из его прошлой жизни теперь сменилась видом тающего снега. На мгновение перед глазами всё поплыло; Ин Фушэн постоял немного, выравнивая дыхание, и в этом вдохе почувствовал нечто, очень похожее на истинное возрождение.

Он спокойно и уверенно зашагал вперед.

Вскоре он издалека увидел установленные на территории дворца Милосердного Спокойствия мишени для стрельбы из лука. Здесь располагалась небольшая тренировочная площадка, уставленная различным оружием, имелась даже полноценная арена. В государстве Да Юань традиционно почитали воинское искусство, а вдовствующая императрица Сяо сама происходила из семьи прославленного генерала и могла играючи поднять даже самое тяжелое оружие.

Миновав тренировочную площадку, он направился к главному зданию дворца Милосердного Спокойствия. В глаза сразу бросились величественные картины с изображением скачущих лошадей. Ин Фушэн отвел взгляд и пошел на звуки голосов. Там собралось несколько человек; слуги расчистили площадку, за ограждением стояли люди, а наследный принц в роскошном парчовом халате на дорогом лисьем меху стоял рядом с вдовствующей императрицей Сяо, весело и непринужденно беседуя с ней.

Помимо них, там находился еще один человек.

Маленький принц в вызывающе роскошных одеждах, окруженный двумя верными слугами, издалека напоминал павлина, который тщеславно кружил вокруг вдовствующей императрицы Сяо.

Подойдя ближе, Ин Фушэн узнал его - это был восьмой принц.

Мать восьмого принца, госпожа Чжао, скончалась от тяжелой, изнуряющей болезни, когда он был еще совсем ребенком, поэтому мальчик рос, не зная материнской ласки. Его род по материнской линии, клан Чжао, занимал в государственном аппарате лишь среднее положение и не обладал значительным влиянием при дворе. Император, искренне пожалев одинокого мальчика, отдал его на воспитание императрице Сюй. Восьмой принц с самого детства рос под её присмотром и почитал её как родную мать, что в будущем предопределило его судьбу: он стал верной правой рукой наследного принца, а клан Чжао, в свою очередь, полностью примкнул к его политической партии.

Сейчас восьмому принцу исполнилось восемь лет - тот самый возраст, когда ребенок купается в безграничной любви императора и окончательно избавляется от всякой скромности, становясь безнадежно избалованным. В воспоминаниях Ин Фушэна восьмой принц в этот период был своего рода «хвостиком», который повсюду неотступно следовал за наследным

принцем, стараясь во всем ему подражать.

Ин Фушэн постоял немного в стороне, и только когда слуги почтительно доложили о его прибытии, вдовствующая императрица Сяо медленно обернулась. Увидев внука, она слегка поманила его рукой, призывая подойти:

- Сяо Лю, почему ты пришел?

При этих словах оба принца одновременно перевели взгляд на него.

Наследный принц выглядел приветливо и естественно, в его лице не было и тени фальши, а вот восьмой принц окинул Ин Фушэна изучающим взглядом с ног до головы, совершенно не скрывая своего жгучего любопытства.

Ин Фушэн слишком часто сталкивался с подобными взглядами в своей жизни. Всего один мимолетный взгляд позволял ему безошибочно понять истинные намерения другого: в детстве это было безотчетное отторжение со стороны братьев, в юности – ледяной холод и неприкрытое пренебрежение старших, а позже – горькие упреки императора и жестокие удары судьбы, обрушившиеся на него от слуг в холодном дворце.

Он полностью проигнорировал их любопытство и спокойно подошел ближе, заметив в толпе слуг специальную стойку для дрессировки зверей.

На ней, гордо выпрямившись, сидел охотничий сокол, а вдовствующая императрица Сяо сосредоточенно кормила его из маленькой коробочки.

- Внуку пришел засвидетельствовать почтение бабушке, – почтительно сложив руки в приветствии, произнес Ин Фушэн.

Вдовствующая императрица Сяо лишь небрежно махнула рукой. Она мельком взглянула на Ин Фушэна и рассеянно кивнула, почти сразу же переключив всё свое внимание обратно на сокола.

Наследный принц дружелюбно кивнул Ин Фушэну в знак приветствия. Он был одет в роскошную парчу, лицо его буквально пылало здоровьем и энергией, и, несмотря на юный возраст, в каждом его движении чувствовалась природная стать и уверенность. Он казался

воплощением жизненной силы.

С мягкой улыбкой он спросил:

- Шестой брат, как твоё здоровье? Я видел, как ты упал в обморок несколько дней назад, и очень за тебя волновался.

Ин Фушэн опустил ресницы, умело скрывая истинный взгляд, и вежливо, сдержанно ответил:

- Благодарю за заботу, старший брат, мне уже намного лучше.

Едва они закончили разговор, как совсем рядом послышался резкий шум.

- Давай, Малыш Цин, пошевелись! - увлеченно дрессируя своего питомца, воскликнула вдовствующая императрица Сяо.

Ин Фушэн посмотрел в ту сторону и увидел сокола, который недовольно сложил крылья. Он сразу понял, что происходит.

Вдовствующая императрица Сяо относилась ко всем своим внукам примерно одинаково; её нрав был крайне непредсказуем, и даже к наследному и восьмому принцам она зачастую была равнодушна. Единственной её истинной слабостью была страсть к хищным птицам. Этот маленький охотничий сокол был одним из её самых любимых питомцев. Из-за необычных, завораживающих синих узоров на перьях его звали Малыш Цин. Он родился слабым и был заметно меньше других соколов своего вида, поэтому вдовствующая императрица Сяо с самого его появления держала его при себе. Птица жила в немыслимой роскоши, свободно летала вокруг дворца Милосердного Спокойствия и, как следствие, имела весьма скверный, капризный характер.

Только сегодня сокол был особенно не в духе.

Восьмой принц, глядя на вялую птицу, пренебрежительно бросил:

- Наелся и ленится.

- Восьмой брат, не будь таким своевольным, - мягко упрекнул его наследный принц, а затем добавил: - Но Малыш Цин действительно стоит немного потренировать, - сказав это, он взял приманку и начал ловко завлекать сокола. В государстве Да Юань глубоко почитали воинское

искусство, и наследного принца с самого детства готовили как будущего правителя, поэтому он часто бывал на тренировочной площадке и знал несколько тонких приемов дрессировки. Малыш Цин был к нему привычен и, поддавшись на искусные уговоры, наконец начал летать, сделав несколько стремительных кругов в воздухе и уверенно поймав брошенную приманку.

Вдовствующая императрица Сяо, увидев, что её любимец наконец пришел в норму, протянула руку, и сокол, стремительно спикировав вниз, уверенно сел ей на предплечье.

- На тренировочной площадке тебя многому научили.

- Лишь самым азам, - скромно ответил наследный принц.

Вдовствующая императрица Сяо больше ничего не сказала, но по её лицу было видно, что настроение её заметно улучшилось.

Слуги дворца Милосердного Спокойствия, казалось, давно привыкли к частым визитам наследного и восьмого принцев. Сцена выглядела почти идиллической: наследный принц умело сглаживал все острые углы, восьмой принц был сладкоречив и услужлив, и вскоре они все совершенно забыли про существование Ин Фушэна. Всё внимание было приковано к наследному принцу, и даже тетюшка Юй, обычно подчеркнута сдержанная, при виде него выглядела гораздо оживленнее, чем всегда.

Восьмой принц в полной мере наслаждался всеобщим вниманием. Видя, что наследный принц не возражает, а бабушка в последние дни была не в духе, он несколько раз бросил приманку, неумело подражая методам наследного принца, и заставил Малыша Цина летать снова и снова.

Хищная птица стремительно пикировала, демонстрируя свою природную мощь, что вызывало восторженные возгласы окружающих слуг.

Сокол расправил широкие крылья, одним плавным движением перелетел через дворцовую стену и так же стремительно вернулся обратно.

Ин Фушэн поднял глаза и невольно засмотрелся на свободно парящую в небе птицу.

Когда сокол приземлился, инкрустированные золотом украшения на его лапах ярко блеснули на солнце, придавая ему вид истинно роскошного, императорского питомца.

«Одет в золото», – с легкой иронией подумал Ин Фушэн.

Пока наследный принц беседовал с остальными, он несколько раз бросал короткие взгляды на Ин Фушэна. По сравнению с тем, как тот красноречиво и уверенно говорил в зале несколько дней назад, сейчас его присутствие было почти незаметным. Он пришел засвидетельствовать почтение – и только, молча стоя в толпе, он казался почти прозрачным человеком.

– Старший брат, на что ты смотришь? – спросил восьмой принц.

– Ни на что, просто шестой брат выглядит каким-то вялым, – наследный принц тихо усмехнулся и пояснил: – По сравнению с тем, что я видел несколько дней назад, разница весьма ощутима.

Этой единственной фразой он намеренно и ловко перевел всё внимание присутствующих на Ин Фушэна.

Малыш Цин снова замер на месте. Восьмой принц, глядя на неподвижно стоящего Ин Фушэна, внезапно вспомнил долетавшие до него слухи о том, что его шестой брат неожиданно отличился в павильоне Любования Луной и даже умудрился навлечь на наложницу Нин гнев бабушки, из-за чего наследный принц был крайне не в духе.

Он никогда не питал ни капли симпатии к этому шестому брату: в школе тот учился посредственно, часто получал нагоняи от строгих учителей, почти не общался с другими детьми и вечно прятался в тени, словно замышлял что-то недоброе или коварное.

И сейчас всё выглядело точно так же. В голове восьмого принца внезапно созрела дерзкая идея. Продолжая бросать приманку, он слегка повернулся и, пока никто из окружающих не видел, намеренно швырнул её в сторону.

Раздался резкий, пронзительный крик, и сокол, словно чем-то сильно раздраженный, внезапно и стремительно взмыл в воздух.

Слуги, испугавшись внезапной вспышки активности птицы, поспешно расступились, освобождая пространство.

Никто и представить не мог, что сокол в таком возбуждении начнет метаться, пролетит над самой толпой и с пугающей скоростью устремится к самому краю площадки.

Ин Фушэн слегка вздрогнул, увидев несущуюся прямо на него хищную птицу. Он, повинувшись внутреннему чутью, попытался отступить назад, но, поскольку еще не до конца оправился от тяжелой болезни, это резкое движение заставило его тяжело и с трудом задыхаться. В голове после перенесенной лихорадки снова запульсировала острая боль, а ноги внезапно стали ватными, отказываясь служить.

Вдовствующая императрица Сяо недовольно нахмурилась.

Для принца он был слишком слаб, почти прозрачен в своей немощи.

Восьмой принц громко, на весь двор, крикнул:

- Шестой брат, берегись!

Он кричал «берегись», но в глубине его глаз на мгновение мелькнул темный, торжествующий огонек.

Однако в следующее мгновение произошло то, чего не ожидал абсолютно никто из присутствующих.

Сокол, пролетев в считанных сантиметрах мимо шестого принца, вдруг резко развернулся в воздухе, сложил крылья и... уверенно сел прямо на плечо Ин Фушэна!

Острый, пронзительный взгляд птицы был устремлен прямо на него.

Станным образом головная боль у Ин Фушэна немного утихла. Он скосил глаза и встретился с взглядом сокола - острым, настороженным и холодным, словно хищник оценивал потенциальную добычу. Дрессированные соколы - это всего лишь прирученные дикари, в которых намертво заложены инстинкты охотника и привычка яростно защищать свою территорию. Почуввав чужака, птица мгновенно сочла его врагом.

Но Ин Фушэн уже держал соколов, когда жил в изгнании в холодном дворце.

Холодный дворец был глухим, забытым богом местом на самой окраине, расположенным совсем рядом с императорским зверинцем, где постоянно тренировали хищных птиц. Чтобы иметь возможность передавать тайные письма за пределы дворца, в далекие и пустынные края, ему однажды прислали маленького птенца. Его руки и предплечья до сих пор были покрыты старыми шрамами от острых когтей. Днями и ночами, когда он почти терял рассудок от одиночества и горя, в этом дворце была только эта голодная птица, жаждущая вцепиться ему в плоть.

Он видел взгляды и пострашнее, не говоря уже об этом «шаре с перьями», который сейчас едва мог нормально летать.

Ин Фушэн внимательно окинул взглядом птицу: перья были плотно прижаты к телу, поза – чисто защитная.

Малыш Цин смотрел на него, и Ин Фушэн спокойно смотрел в ответ.

Их взгляды встретились, и сокол, обладавший поразительным природным чутьем, словно что-то уловил в глазах Ин Фушэна – нечто такое, что заставило его замолчать. Он вдруг оробел, осторожно отступил на шаг и, настороженно наблюдая за мальчиком, больше не нападал, но и не спешил улетать.

Слуги, боясь напугать принца или спровоцировать птицу, поспешили подойти, чтобы забрать сокола.

Ин Фушэн замер, глядя вниз на своего неожиданного гостя, и вдруг тихо произнес:

- Кажется, он ранен.

Восьмой принц, решив, что тот от сильного страха окончательно лишился рассудка, внутренне усмехнулся: сокол только что активно охотился, какая могла быть рана?

Наследный принц обеспокоенно взглянул на восьмого брата и шагнул вперед:

- Шестой брат, не двигайся, пусть слуги заберут птицу...

Не успел он договорить, как Ин Фушэн внезапно, совершенно неожиданно для всех, протянул

руку и мягко погладил сокола на плече. Это дерзкое, почти безумное движение заставило всех присутствующих ахнуть от неожиданности. Птица вначале забила крыльями, пытаясь вырваться, но Ин Фушэн властным, уверенным движением прижал её к себе, и сокол внезапно, словно замороженный, успокоился.

Когда на виду у всех открылась скрытая до этого момента рана, наследный принц замер в изумлении, а вдовствующая императрица Сяо, которая уже собиралась вмешаться, резко изменилась в лице.

- Скорее, зовите дрессировщика! - властно приказала она.

Дрессировщик прибежал очень быстро и, не теряя ни секунды, приступил к осмотру птицы. Увидев, как он хмурится, вдовствующая императрица Сяо встревоженно спросила:

- Что-то серьезное?

Дрессировщик медленно покачал головой, и она с облегчением выдохнула.

Однако вскоре он поднялся и с серьезным видом произнес:

- Изначально рана была пустяковой, обычный укол шипа, должно быть, птица где-то зацепилась... Но, судя по всему, в последнее время он несколько раз пытался слишком сильно взмахнуть крыльями, и теперь всё стало куда серьезнее.

Восьмой принц, совершенно ошарашенный услышанным, воскликнул:

- Что ты сказал?!

Наследный принц заметно напрягся, а лицо вдовствующей императрицы Сяо окончательно помрачнело.